

Гиперболизация и взаимообратимость выводов

К чужим высказываниям Сталин принюхивается с азартом хищника и педантизмом изувера. О чем бы ни шла речь, он тщательно выискивает ту или иную разрушительную ересь, и любое еретическое слово, преломляясь в гигантских кривых зеркалах сталинской криминологии, уходит в сумрачные перспективы грядущей бойни. Его речь, скудная и невыразительная, как мимика медведя, всегда таит угрозу. Проведение оксюморонных подмен чаще всего строится стадийно, посредством расширения метонимических замещений, которое доводит тезисы оппонента до их контрреволюционной противоположности. («Политика <...> вообще говоря, не исключает некоторого лукавства», — скромно замечает Сталин в письме к Демьяну Бедному от 15 августа 1924 г.)

Можно было бы, вслед за Волкогоновым, уделить немало места сталинской казуистике в брошюре «К вопросам ленинизма» по поводу различаемых Зиновьевым «возможности» построения социализма в одной стране и его «окончательной победы»³⁵. Зиновьевское разграничение Сталин достраивает до антиленинской ереси, но меня здесь интересует сам механизм этой инверсии и ее чекистские ориентиры:

«Что все это может означать? А то, что под окончательной победой социализма в одной стране Зиновьев понимает <...> *возможность* [у Зиновьева — «*обеспеченная возможность*»] построения социалистического общества. Под победой же социализма в одной стране Зиновьев понимает такое строительство социализма, которое *не может* и не должно привести к построению социализма. Строительство на-авось, без перспективы строительства социализма, при *невозможности* построить социалистическое общество — такова позиция Зиновьева».

Превратив «возможность» в еретическую «невозможность», Сталин продолжает передергивать, реконструируя «внутреннюю логику» рассуждений Зиновьева, дабы увязать ее с пока не упомянутым, но однозначно подразумеваемым выводом о том, что он остался тем же «штрейкбрехером революции», каким был в Октябре:

«Таким образом, по Зиновьеву выходит, что признать возможность построения социализма в одной стране — это значит стать на точку зрения национальной ограниченности, а отрицать такую возможность — значит стать на точку зрения интернационализма».

Но если это верно — стоит ли вообще вести борьбу за победу над капиталистическими элементами нашего хозяйства? Не следует ли из этого, что такая победа невозможна?

Капитуляция перед капиталистическими элементами нашего хозяйства — вот куда приводит внутренняя логика аргументации Зиновьева <...>

Не надо было брать власть в октябре 1917 года — вот к какому выводу приводит логика аргументации Зиновьева».

Если продолжить развитие «внутренней логики», то станет совершенно ясно, что человек, предпочитающий капитулировать перед капитализмом и отвергающий советскую власть («не надо было брать власть в октябре 1917 года»), в некоей умозрительной перспективе должен примкнуть к ее врагам, приверженцам капитализма, что, собственно, и будет доказано в середине 30-х. Пока достаточно того, что уже сейчас друг Ленина и один из лидеров Октября обличен в контрреволюционной тенденции, эксплицитно выводимой из его благонамеренных высказываний и имплицитно — из самой его биографии.

Модель криминального гиперболизма, только в кратком, а не развернутом его виде, мы найдем и у Ленина, например, в его «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» (1919):

«Кто не помогает всецело и беззаветно Красной армии, не поддерживает изо

всех сил порядка и дисциплины в ней, тот сторонник колчаковщины, того надо истреблять беспощадно»; «Кто не сдает излишков хлеба государству, тот помогает Колчаку, тот изменник и предатель рабочих и крестьян, *тот виновен в смерти и мучениях десятков тысяч рабочих и крестьян в Красной армии*».

У Сталина этот метод просто доведен до патологического совершенства и дополнен совсем уж фантастическими инверсиями. Но и здесь он мог совершенно обоснованно сослаться — и действительно сослался — как на марксизм, так и на своего изворотливого учителя. В ленинской статье «О брошюре Юниуса» (1916) сказано:

«Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что нет *ни одного* явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность».

Сталину оставалось только подыскивать эти «условия», что он и делал с захватывающей изобретательностью. Упрек, брошенный им Покровскому, которого он обвинил в манере «бесцеремонно переворачивать вещи вверх ногами», идеально описывает полемическую методу самого Сталина. Выступая в разгар коллективизации (декабрь 1929 г.) против теории «устойчивости мелкокрестьянского хозяйства», он выдвигает совершенно оригинальный довод:

«Наша практика, наша действительность дает новые аргументы против этой теории, а наши теоретики странным образом не хотят или не могут использовать это новое оружие против врагов рабочего класса. Я имею ввиду практику уничтожения частной собственности на землю, практику национализации земли, освобождающую мелкого крестьянина от его рабской приверженности к своему клочку земли».

Сталину настолько понравилась это теоретическое «новое оружие», предоставленное самой действительностью, что он тут же повторил свой аргумент, противопоставив духовную свободу советского пахаря западному духовному рабству:

«И именно потому, что у нас нет частной собственности на землю, у нас нет той рабской привязанности к клочку земли, которая имеется на Западе».

Можно понять странную застенчивость «теоретиков», не рискнувших воспользоваться плодотворной концепцией. Ведь точно так же освобождал крестьян от «рабской зависимости» помещик-крепостник, отбирая у них землю. Следуя сталинским рассуждениям, отобрать у матери детей — значит освободить ее от рабской привязанности к детям, а посадить человека в тюрьму — избавить от рабской приверженности к свободе. То же сорта — диалектический пируэт, подсказанный знаменитым тезисом о «свободе как осознанной необходимости»:

«Внутрипартийная демократия есть <...> укрепление сознательной пролетарской дисциплины».

Самым знаменитым среди его развернутых диалектических оксюморонов стал, конечно, футурологический тезис о неминуемом обострении классово-борьбы по мере успешного продвижения к социализму:

«Чем больше мы будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорей будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных».

Сталин называл эту теорию «ленинской», но в таких случаях Сталину принято не верить. Его преемники утверждали, что концепция «обострения» трагически противоречит высокогуманному ленинизму. Жаль, что они предпочли не заметить такое, например, место из речи Ленина на IX съезде:

«На нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и *торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем больше мы побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и*

переходят в более решительное наступление».

Прямого отношения к марксизму данная догма уже не имеет — она подсказана религиозными стереотипами, древним убеждением в том, что нечистая сила больше всего неистовствует перед заутреней, а вторжение Антихриста и битва с ним должны предварять пришествие Христова. Из этого теоретического положения неминуемо должен вытекать и другой вывод: если, согласно Сталину, при наступательно-репрессивной политике сопротивление врагов только усиливается, то, следовательно, при более мягких ее формах оно, напротив, будет ослабевать. Но нет — в беседе с Людвигом он сетует:

«Чем мягче мы относимся к нашим врагам, тем больше сопротивления эти враги нам оказывают».

В любом случае торжествует диалектика абсурда:

«Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это противоречиво? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику <...>

То же самое нужно сказать о формуле насчет национальной культуры: расцвет национальных культур (*и языков*) <...> в целях подготовки условий для отмирания и слияния их в одну общую национальную культуру (*и в один общий язык*) в период победы социализма во всем мире».

В переводе на транспортные термины все это означает, что ближайший путь из Москвы в Калугу лежит через Хабаровск.